

Елена Арсеньева
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
СТРАСТИ

Фиалки
для прекрасной актрисы

Адриенна Лекуврер – Морис де Сакс – герцогиня де Буйон. Франция

Елена Арсеньева
Фиалки для прекрасной
актрисы (Адриенна Лекуврер
– Морис де Сакс – герцогиня
де Буйон. Франция)
Серия «Преступления
страсти. Ревность», книга 6

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162533
Преступления страсти. Ревность: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26496-4*

Аннотация

Ревнует – значит, любит. Так считалось во все времена. Ревновали короли, королевы и их фавориты. Поэты испытывали жгучие муки ревности по отношению к своим музам, терзались ею знаменитые актрисы и их поклонники. Александр Пушкин и роковая Идалия Полетика, знаменитая Анна Австрийская, ее английский возлюбленный и происки французского кардинала, Петр Первый и Мария Гамильтон... Кого-то из них роковая страсть доводила до преступлений – страшных, непростительных,

кровавых. Есть ли этому оправдание? Или главное – любовь, а потому все, что связано с ней, свято?

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Арсеньева
Фиалки для
прекрасной актрисы
(Адриенна Лекуврер –
Морис де Сакс – герцогиня
де Буйон. Франция)

*Любовь, конечно, рай, но райский сад
Нередко ревность превращала в ад.
Lone de Vega*

Часть первая
Морис

Ночью 25 ноября 1750 года в замок Шамбор примчался курьер с письмом. Башни загадочного, роскошного, причудливого дворца таяли в низко нависших белесых, освещенных луной облаках. Ни ветерка, ни шороха ветви в огромном лесу, окружавшем дворец. Было что-то зловещее в этой тишине. Казалось, Шамбор насторожился. Быть может, неве-

роятный, ни на что не похожий замок предчувствовал что-то недоброе, заслышав стук копыт по каменной дороге?

Странной была судьба Шамбора! Построенный королем Франциском I, чтобы сделать приятное мадам де Шатобриан,¹ он вскоре был совершенно заброшен и этим королем, и его потомками. Правда, спустя век, уже в 1670 году, его воскресил к жизни Людовик XIV, когда привез сюда мадам де Монтеспан, и Мольер давал здесь для нее премьеру «Мещанина во дворянстве». Потом здесь очень недолго прожили родители королевы Мари Лещинской, польский король Станислав и его жена, – и замок вновь оказался забыт почти на сотню лет, пока в 1745 году в Шамбор не явился новый владелец, красота, слава и блеск которого были вполне достойны великолепия замка. Звали этого человека маршал Морис де Сакс, и он был героем победы французских войск над англо-голландско-ганноверскими соединениями при Фонтенуа. В награду король Людовик XV предоставил маршалу право сидеть в присутствии членов королевской фамилии (нешуточная привилегия, оценить которую способны лишь те, кому целые дни приходилось проводить на ногах!), называл кузеном и позволил разместиться в Шамборе и даже держать там собственный полк. Прежде такой чести удостоивались только наследные принцы.

Впрочем, Морис де Сакс, Морис Саксонский, как его ча-

¹ Новеллу о Франсуазе де Шатобриан под названием «Белая Дама» можно прочесть в этой книге (прим. автора).

ще называли, и был наследным принцем, хотя никакого наследства, кроме ума и авантюризма от своего отца и красоты и обворожительности от своей матушки, он при рождении не получил. Зато какие это были отец и матушка! Он был сыном одной из знаменитейших красавиц Европы, графини Марии-Авроры фон Кенигсмарк. Мать назвала его Морисом в память о первых, незабываемых днях ее любви с курфюрстом саксонским, позднее польским королем Августом II Сильным в охотничьем замке Морицбург. Августа прозвали Сильным, потому что он и впрямь был редкостный силач: двумя пальцами мог поднять с земли громоздкое и тяжелое солдатское ружье и одним взмахом рубил голову быку, – однако покорять женщин и ухаживать за ними он умел, как самый галантный из французских паркетных шаркунов. Довольно сказать, что первым подарком Августа возлюбленной был букет из чистого золота, с цветами из рубинов, жемчугов, сапфиров, с изумрудными листьями...

Говорят, что дети любви всегда красивы. Морис был голубоглазым высоченным блондином с фигурой атлета и бесшабашными манерами парижского гамена. Как ни странно, именно это производило поистине убийственное впечатление на прекрасный пол, и все дамы в округе, от служанок до баронесс, видели в грешных снах этого подрастающего сердцееда. И уж этим-то сладостным продуктом он насытился за свою жизнь вволю!

Когда Морису исполнилось двенадцать, отец дал ему пе-

хотный полк, а в придачу титул графа Саксонского. В тринадцать лет юный граф сражался при Мальплате под командованием принца Евгения, а спустя год – при Штральзунде под командованием Петра Великого, в состав войск которого входили саксонские наемники. Когда он вернулся домой, овеянный славой, отец решил, что мальчишку надо как можно раньше женить, не то истаскается, и вскоре Морис обвенчался с богатой, хотя и не слишком хорошенькой Викторией фон Лёбен. Однако с женой он не зажился, потому что его полк был переведен во Францию. Здесь его представили ко двору Людовика XV, причем труд сделать это взяла на себя не кто иная, как сама мадам Помпадур, покровительством которой Морис отныне пользовался.

И здесь опасения Августа II сбылись: Морис дал полную волю своему сластолюбивому нраву! Женщины падали к его ногам, как срезанные цветы, и не счесть, сколько «интимных покоев», выражаясь языком того куртуазного времени, навел на него «гуляка». При этом Морис обладал таким редкостным обаянием, что даже мужчины, у которых он отбивал возлюбленных и чьих жен соблазнял, не имели сил на него злиться. Некоторые недоброжелатели (были такие и у блестящего Мориса, а у кого ж их нет?) брезгливо называли его трусом, потому что за ним не числилось ни единой дуэли, но вся штука в том, что его на дуэли просто не вызывали, настолько он всем нравился. Сам Морис не слишком-то любил швыряться перчатками и составлять картели, вообще

ему не доставляло удовольствия убивать людей... разумеется, если это не происходило на поле брани, а уж там-то в его храбрости сомневаться не приходилось.

Так он и жил, потеряв счет свершенным им любовным и воинским подвигам, пока не обнаружил однажды, что состояние Виктории фон Лёбен им благополучно растрчено, никакой подходящей войны, на которой можно составить состояние, не предвидится, зато впереди вдруг замаячила не слишком верная, но блистательная перспектива сделаться герцогом Курляндским или мужем русской принцессы Елизаветы, младшей дочери Петра Великого.

Еще толком не выяснив, которая из невест ему более желанна, Морис мигом развелся с Викторией, выплатив ей изрядную компенсацию из денег, взятых в долг (как правило, деньгами его ссужали обожательницы, да еще и расталкивали друг дружку, стремясь дать Морису как можно раньше и как можно больше), и, слегка переведя дух, начал раздумывать, на ком все же следует жениться.

Герцогиней Курляндской в то время была племянница Петра I, дочь его единокровного брата Ивана (а может быть, как перешептывались придворные сплетники, и самого Петра, когда-то осчастливившего невестушку, страдавшую от бессилия родного мужа...) Анна Иоанновна. Это была дама вполне зрелая, не блиставшая умом и вовсе не страдавшая таким излишеством, как красота (имела прозвище «Иван Васильевич» в честь грозного царя, ибо отличалась суровой

внешностью и крутым нравом), однако весьма жизнелюбивая. О ней рассказывали, что мужа она свела в гроб спустя два месяца после свадьбы своим пристрастием к постельным забавам (на самом деле он просто не выдержал русского алкогольного марафона, тон которому задавал сам государь Петр Алексеевич, наипервейший среди первейших питухов Российской империи); что любовников она меняет как перчатки (на самом деле галантов у нее и десятка не набралось бы, да и те появлялись лишь от случая к случаю, по потребности); что особа она весьма привередливая и записных юбочников вроде Мориса де Сакса не слишком-то жалует (на самом же деле, лишь только услышав его имя, Анна Иоанновна сладострастно выдохнула: «Да!!!»)... Приняв все это к сведению, Морис кивнул и пожелал выслушать описание другой претендентки на его драгоценную персону – принцессы Елизаветы (или, как предпочитали выражаться русские варвары, ца-рев-ны Елисавет). Посвящал его в тонкости российских матримониальных проектов саксонский посланник при русском дворе Лефорт. Этот господин преподнес Морису следующее описание Елисавет: «Хорошо сложенная и прекрасного среднего роста, с очень милым круглым личиком, с искрящимися глазками, с красивым цветом лица и красивой шейкой». Она-де без ума от Мориса и уже ждет его, страстно желая, а «желания русской женщины достаточно, чтобы взорвать город».

Морис мечтательно прищурился. Он обожал именно та-

ких женщин, как эта Елисавет... однако у дочери русского царя не было ничего, а у его племянницы была Митава, поэтому он послал в сторону Петербурга лишь мечтательный вздох, ну а в сторону Митавы – весомый кивок, означающий согласие познакомиться с герцогиней Курляндской – близко, близко, еще ближе...

Анна Иоанновна была об этом предуведомлена и немедленно распростерла свои объятия саксонскому обольстителю.

Конечно, для поездки в Курляндию нужны были деньги. И очень даже немалые. Матушка Мориса, Аврора Кенигсмарк, попыталась продать для любимого сына три драгоценные жемчужины, весившие каждая до двухсот гран и стоившие двенадцать тысяч золотых, однако у польского короля не нашлось таких денег: к этому своему отпрыску и его татан он уже порядком охладел. Помогла сестра Мориса, жена королевского великого маршала Белинского, обожавшая брата: она продала свое столовое серебро и сервизы. Да еще супруга литовского главнокомандующего Поцея преисполнилась горячего сочувствия к матримониальным планам Мориса де Сакса и позаимствовала из кассы своего покорного мужа изрядную сумму. И все же не хватало еще много: сорок тысяч ливров. И тут некая особа, француженка, продала ради Мориса свои драгоценности... разумеется, она сделала это не ради каких-то пошлых процентов, а лишь по любви. Имя дамы Морис навсегда вырезал на скрижалях своего сердца! И,

разнесся по всем салонам весть о великодушии данной особы, он отбыл в Митаву. И прибыл-таки туда, несмотря на все препоны, которые пытались чинить ему литовские дворяне, возмущенные королем Августом, который намерен отдать своему побочному отпрыску столь немалое герцогство. Как будто кто-то спрашивал согласия Августа. В Петербурге при дворе тоже назрело возмущение. Больше всех негодовал Алексашка Меншиков, остававшийся в ту пору еще всесильным временщиком. Он сам мечтал о герцогстве Курляндском! Сам хотел сделаться герцогом! Разумеется, не ценой брака с Анной (Меншиков уже был женат, да и Анна за него не пошла бы), а с помощью давления на местное дворянство и купечество. Алексашка из кожи вон лез, чтобы добиться своего! Двенадцать тысяч русского войска вошло в Курляндию, дипломаты наперебой твердили, что какой-то незаконнорожденный граф (то есть обворожительный Морис) не может жениться на дочери русского царя... При этом тайны рождения самой Анны не знали в России только глухие да слепые!

Меншиков встретился с Морисом и принялся задирать:

– Кто вы вообще такой? Кто ваш отец?

– А ваш? – с невинным видом спросил граф де Сакс, вспомнив слухи, которые ходили насчет некоего торговца пирогами...

Меншиков счел себя оскорбленным. Повеяло международным скандалом... Однако решающую роль в разрешении

вопроса сыграли не военные действия и не усилия дипломатов – все решила исстрадавшаяся по Морису «толстая Нан»!

«Толстая Нан» – именно так де Сакс начал называть про себя Анну Иоанновну, герцогиню Курляндскую. А еще в глубине своего любящего сердца он называл невесту «вестфальской колбасой». Столь оригинальные эпитеты замечательно свидетельствуют о пылких чувствах, которые он испытывал по отношению к преждевременно раздобревшей и насквозь провинциальной даме. Еще одним свидетельством служит то, что Морис немедленно завел тайную интрижку с одной из хорошеньких фрейлин герцогини. Он принимал ее в своих апартаментах, которые щедро отвела ему и обставила наилучшим образом Анна Иоанновна, которая проводила с ним дни напролет, а ночами жестоко ворочалась в постели, испуская нетерпеливые вздохи любовного томления, дивясь тому, что человек, по слухам столь смелый с дамами, ведет себя по отношению к ней робко и, не побоимся даже сказать, целомудренно.

А между тем Морису вполне хватало его новой любовницы. Каждую ночь дама прибегала в его покои, а потом Морис относил ее до комнаты фрейлин: все-таки он был не кем-нибудь, а сыном Августа Сильного!

Какое-то время все оставалось шито-крыто, но... повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить. Однажды грянул обильный снегопад. Торя в снегу тропу, Морис так заворковался со своей прелестницей, что не заметил:

по двору, как нарочно, тащиась в это время старуха-служанка. Ей почудилось в метельной сумятице, будто она видит привидение о двух головах. Служанка завопила так, что мертвого могла бы разбудить. От неожиданности Морис поскользнулся – и рухнул вместе со своей громко завизжавшей ношей.

А охрана герцогини в те дни и ночи держала ушки на макушке, ибо что в городе, что в окрестностях пошаливали дерзкие разбойничьи шайки. Спали вполглаза, не гасили факелов. И вот теперь поднялась страшная суматоха: старуха кричала, фрейлина визжала, Морис бранился, набежавшая охрана вопила: «Лови-держи!», двор был залит светом факелов. Анна, которой не давали уснуть мечты о Морисе и о близком супружеском счастье с ним, подскочила к окну – и обнаружила, что обманута... что утонченный граф совершенно, ничуть не любит жирной вестфальской колбасы, а предпочитает ей другие лакомые кусочки.

Морис высунул из сугроба свою светловолосую голову и увидел в окне второго этажа герцогиню Курляндскую. Лицо «толстой Нан» никогда не отличалось богатством мимики и выразительностью, однако сейчас каменная неподвижность ее черт была гораздо выразительней любой, самой злобной гримасы. И граф Саксонский понял, что герцогом Курляндским ему не стать никогда...

Да, Морису был дан от ворот поворот, в Петербург и Дрезден полетели гневные послания с сообщением, что графу

Саксонскому в Митаве делать более нечего. Почти немедленно в город вошли четыре русских полка, командование которых имело самые недвусмысленные приказы насчет графа Саксонского, и Морис глубокой ночью бежал из Курляндии (вовремя предупрежденный очередной влюбленной красоткой) на рыбацкой лодке: рискуя жизнью, переправился через реку Лиелупе и кое-как добрался до Данцига, где смог перевести дух. С горьким вздохом он осознал, что желания русской женщины и впрямь достаточно, чтобы разрушить... ну, если не город, то честолюбивые планы мужчины уж точно.

И пришлось ему все начинать сначала. Он вернулся в Париж в печальную минуту: та дама, которой он был обязан сорока тысячами ливров, умерла. Поговаривали, что она была отравлена, и как-то так поворачивалось общественное мнение, что к ее смерти причастен чуть ли не Морис Саксонский!

Вообще там была темная история, о которой де Сакс постарался поскорей позабыть. И счел за благо исчезнуть на время из Парижа. Тут очень кстати подвернулась Война за австрийское наследство,² остро требовались безрассудные

² Война за австрийское наследство – военное столкновение европейских держав (1740–1748) из-за попытки раздела владений дома австрийских Габсбургов. Согласно указу императора Карла VI, все наследственные земли Габсбургов были нераздельны, а престол в случае отсутствия у него сыновей должен перейти к его старшей дочери Марии-Терезии. Когда Карл VI умер (октябрь 1740 г.), права наследницы были оспорены государями Баварии, Саксонии и Испании. В начав-

храбрецы, и Морис со своим полком отправился воевать. Да так лихо сражался, что в 1744 году получил звание главного маршала Франции и стал самым знаменитым военачальником страны. В его честь звонили колокола по всей Франции!

Вот тогда-то в Шамбор и явился новый хозяин в сопровождении своего знаменитого кавалерийского наемного полка: пятьсот польских уланов, немцев и даже татар, пятьсот самых бравых вояк – все как один черноволосые, они восседали на белоснежных лошадях, были облачены в необыкновенно эффектную форму – зелено-красно-белую. И над всем этим великолепием развевались на копьях штандарты!

В ближайшие два года Шамбор, кажется, был самым популярным местом Франции. Балы, праздники, банкеты как будто не прекращались. Вокруг маршала так и роились хорошенькие женщины. Но он не был дешевым бонвиваном – здесь же собирались и артисты, писатели, философы. Морис де Сакс оказывал столь горячее гостеприимство умным, образованным людям, что те в благодарность захотели избрать его членом Французской академии. Морис хохотал до колик и написал одному из друзей коротенькую записочку, в которой со страшной силой продемонстрировал свою собственную ученость и образованность: «Меня хотят сделать Академиком ето мне нада как сабаке пятая нога!»

Плюнув на академию, маршал приступил к строительству

шейся войне столкнулись две коалиции – франко-прусско-баварско-испанская и австро-англо-голландская. (Прим. автора.)

театра для своих гостей. Однако театр так и остался недостроен, потому что ночью 25 ноября 1750 года в замок Шамбор примчался курьер с письмом...

Башни загадочного, роскошного, причудливого дворца таяли в низко нависших белесых облаках. Ни ветерка, ни шороха ветви в огромном лесу, окружавшем дворец. Было что-то зловещее в этой тишине. Казалось, Шамбор насторожился. Быть может, невероятный, ни на что не похожий замок предчувствовал что-то недоброе, заслышав стук копыт по каменной дороге?

– Письмо для маршала! – крикнул курьер, и старый слуга Мориса де Сакса, Мурэ, бывший при нем чуть ли не с младенчества, свидетель, а порою и соучастник всех его эскапад, вышел за пакетом и сам отнес его своему господину.

Эх, кабы знал он, что это за пакет, небось бросил бы его в первый же горящий камин! А впрочем, что толку? От судьбы, говорят, не уйдешь.

Граф Саксонский лежал в постели – он был тяжело простужен, однако не спал. Дышать ему было так трудно, что он никак не мог устроиться поудобнее и уснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.